

Проблема рецепции средневековой южнославянской письменности – о переводах древнесербских текстов на польский язык¹

Изабелла Лис-Вельгош

Проблема рецепции древней письменности ареала *Slavia Orthodoxa* в Польше – это явление сложное, многопластовое, сильно связанное со спецификой обоих культурных пространств: на первый взгляд разных, но, как оказывается, вовсе не так отдаленных и отличающихся друг от друга с точки зрения традиции. История восприятия церковнославянской письменности – т.е. история рецепции, понимаемой согласно словарному определению как акт принятия литературных произведений (в данном случае: древнеболгарских, древнерусских и древнесербских) и процесс их функционирования среди различных групп читателей (в данном случае: в польском языковом, культурном и социальном ареале²), довольно долгая. Ее начало относится к древнепольскому периоду, а отчетливое усиление познавательного интереса и очарования этой частью письменного наследия славян проявляется в XIX столетии, когда имеет место оживление в области филологических исследований, издательской работы над источниками, в значительной степени вызванное идеями о славянской общности и развитием самой науки. Бросающееся в глаза усиление именно такой деятельности, результатом которой являются переводы большого количества ценных памятников (старо)церковнославянской письменности, показывает также

¹ Публикация подготовлена в связи с научно-исследовательским проектом «Рецепция письменности и народной литературы сферы *Slavia Orthodoxa* в Польше – история и библиография переводческого творчества», реализуемым в центре Церанеум Лодзинского университета (Польша). Проект финансируется польским Национальным центром науки (Краков) на основе постановления номер DEC-2012/05/E/HS2/03827.

² См. напр.: Słownik 1988: 424.

определенную асимметрию в направлениях изысканий, открытий и переводческих реализаций. В сфере интересов исследователей, издателей, переводчиков и читателей находятся в то время прежде всего древнерусские произведения, реже – древнеболгарские, древнесербские же практически вообще не присутствуют.

Несмотря на то, что можно говорить о длительной и развитой на территориях Речи Посполитой переводческой традиции, относящейся к широко понимаемой письменности православных славян, в сравнении с богатым корпусом имеющихся в наличии в польском культурном пространстве переводов с западноевропейских литератур (латинского ареала) выглядит она значительно бледнее. Ни в коей мере не сравнивая, не измеряя масштабов интенсивности, не используя количественного критерия в оценке восприятия этих двух традиций, можно лишь предполагать определенные – несомненно, многочисленные – причины данной ситуации. Одна из причин может быть связана с конструируемыми идентификационными программами и проистекать из постулируемой и демонстрируемой «латинской идентичности», принадлежности к ареалу *Slavia Latina*, прозападной ориентации польского общества и культуры, хотя ее история не дает основания для так однозначного определения и применения столь однопланового измерения, а веским аргументом в пользу многополюсной и многоуровневой характеристики культуры является хотя бы сама давняя Речь Посполитая – многонациональное и многокультурное государство.

По мнению славистки и историка переводов Божены Токаж (Bożena Tokarz), в польском читательском обороте доминируют переводы с т.н. «больших» европейских литератур (французской, итальянской, немецкой, русской), а в последнее время – англоязычной, что вызвано определенными модами, рыночными предпочтениями, а зачастую также специфически понимаемым общественным интересом. Проблемой является большая диспропорция в области переводов, касающаяся тестов из иных, нежели перечисленные, литератур и затрагивающая частично западнославянские, а прежде всего – южнославянские (в том числе – как раз церковнославянские и народные) литературные произведения. Согласно исследовательнице, причины такого положения вещей надо искать в многочисленных исторических, политических, а также общественных явлениях, особенно же – в унификационных факторах и стереотипах, которые укоренились в мировоззрении и взглядах самих славян. С убеждением она утверждает следующее: „Polacy mają wyjątkowo mało przekładów z literatur słowiańskich, szczególnie w porównaniu z obecnością literatury polskiej w innych kulturach słowiańskich. W konsekwencji słabo znamy inne literatury, a tym samym kultury słowiańskie, błędnie sądząc, że są one podobne do polskiej”.³ Категория

³ Tokarz 2010: 19.

*Проблема рецепции средневековой южнославянской письменности –
о переводах древнесербских текстов на польский язык*

подобия представляется здесь ключевой, она содержит в себе как объединительные тенденции, так и ошибочно унифицирующие, а прежде всего – редуционистские и исключающие элементы, которые группой адресатов (читателей) не воспринимаются как родные, свои, а трактуются как чуждые, попросту неизвестные, а ведь – как верно констатирует упомянутая исследовательница – каждая культура способна вместить в себя фрагменты иных культур: „nie szkoda one tożsamości, przeciwnie, wzbogacają ją, spowinowacają wzajemnie”.⁴ В этой связи неопределима функция и миссия перевода, понимаемого как «герменевтическое событие» („zdarzenie hermeneutyczne”)⁵, как акт литературной, культурной и общественной коммуникации, скрепляющий фактор, определяющий пространство встречи и диалога двух культур – близких друг к другу либо совершенно отличных друг от друга моделей и парадигм.

Стоит подчеркнуть, что все еще мало в польском культурном пространстве переводов древних южнославянских текстов, редки также в польской науке и сами исследования проблемы рецепции церковнославянской письменности именно этого ареала. Уже давно Эдвард Бальцежан (Edward Balcerzan) обращал внимание на более общую проблему отсутствия истории переводимой в Польше литературы, отмечал также нехватку более широкой дискуссии на эту тему. Позднее этот вопрос затронула также Божена Токаж, которая именно в контексте южнославянских литератур говорила о большой пользе, которая может проистекать благодаря постепенному заполнению этого заметного пробела.⁶ По ее мнению, исследования и публикации в области переводов и рецепции произведений балканского ареала были бы полезны прежде всего историкам польской литературы, хотя стоит добавить, что также и в общем всем филологам, в особенности же – славистам.

Именно такой инициативой является групповой проект «Рецепция письменности и народной литературы сферы *Slavia Orthodoxa* в Польше – история и библиография переводческого творчества», цель которого – систематическое описание именно истории восприятия церковнославянской и народной православной славянской литературы на основе существующих переводов на польский их заданий исполнители проекта ставят перед собой цель составить своего рода список переведенной в Польше литературы, а в данном случае: нескольких составляющих ее традиций: древнеболгарской, древнесербской и древнерусской, а также народного творчества южных и восточных славян.⁷

⁴ Tokarz 2010: 8.

⁵ Kozak 2009: 9.

⁶ См. Balcerzan 1982: 239–255; Tokarz 2010: 125.

⁷ Началом проекта послужили публикации: Kawecka, Petrov, Skowronek 2009: 247–273; Kawecka, Petrov, Skowronek 2010: 175–193; Kawecka, Petrov, Skowronek 2011a: 67–90; Kawecka, Petrov, Skowronek 2011b: 309–325; Stradomski 2011: 137–161; Kawecka, Petrov, Skowronek 2012:

Ценность каждого отдельного перевода очевидна, ибо через его посредничество происходит встреча двух иногда очень друг от друга отличающихся, отдаленных культур. Благодаря ему между ними устанавливается специфическая, диалогическая и гибридная связь, поэтому перевод в своих основах – это явление коммуникационное и герменевтическое.⁸ И если универсальное значение перевода литературных произведений не подлежит дискуссии, то вопрос о его наличии либо отсутствии, о потребности в нем либо о слабом спросе на конкретную (т.н. исходную) культуру, о ее функционировании в области конечной (т.н. целевой) культуры уже вовсе не так однозначен.

В контексте переводов древнесербских текстов на польский язык, беря во внимание критерий их наличия/отсутствия, интерес представляют прежде всего антологии. В польской читательской среде функционируют лишь три (или даже целые три!) различные с точки зрения содержания и ценности, антологии текстов, среди которых только одна публикация представляет собой концептуально однородную коллекцию древнесербских произведений, переведенных полностью или же во фрагментах. Остальные две содержат лишь несколько средневековых примеров, причем не всегда в переводе; одна является своего рода хрестоматией (избраны фрагменты разнородных произведений на современном сербском языке), а вторая – антологией переведенных поэтических текстов главным образом XVII–ого и XVIII–ого веков. Конечно же, нельзя и не следует эти публикации сравнивать друг с другом, но стоит о них напомнить, дать критический комментарий, а прежде всего – обратить внимание на проблему ограниченного функционирования этой литературы в польском культурном пространстве. Добавлю, что своеобразным подтверждением этой пессимистической констатации является отдаление во времени дат выхода каждой из антологий – они выходили из печати практически лишь раз в десять лет: в 1983, 1994 и 2007 гг.

Первая и до сих пор единственная полная антология древнесербских текстов – это публикация *Dar słowa. Ze starej literatury serbskiej* (wyb. i oprac. A. E. Naumow, przeł. T. Wątor-Naumow, A. E. Naumow, W. Kotwiczowa, Łódź 1983). Она содержит 52 перевода прежде всего авторства Александра Наумова, а ко всей коллекции прилагается довольно обширное послесловие с введением в специфику этой письменности, текстам же сопутствуют вспомогательные комментарии. В синтетическом послесловии А. Наумов представляет древнесербскую литературу как компонент более широкой, наднациональной модели: под-

193–218. Вопросом переводов церковнославянских текстов на польский язык занимался ранее в том числе А. Наумов, см. его публикации: Naumow 1974: 85–93; Naumow 1992: 195–201; Naumow 1995: 33–41; Naumow 1996: 15–17.

⁸ Tokarz 2010:7.

*Проблема рецепции средневековой южнославянской письменности –
о переводах древнесербских текстов на польский язык*

черкивает ее принадлежность к церковнославянской системе, обращает внимание на отличия и затруднения в ее восприятии. Переводчик упоминает также уже существующие, в то время немногочисленные, переводы средневековых южнославянских произведений, тем самым показывая их нехватку – весьма скромное присутствие в польском культурном пространстве, что можно интерпретировать также как своего рода призыв к увеличению объема переводимой в Польше церковнославянской письменности, в особенности ее балканского компонента. С того времени ситуация действительно поправилась, постепенно появлялись новые переводы, хотя до сих пор среди них меньше всего именно древнесербских текстов.⁹ Именно поэтому упомянутая антология А. Наумова – это все еще единственное предложение, которое (с точки зрения концепции) относительно полным образом представляет польскому читателю средневековую древнесербскую литературу.

Включенные в нее переводы фрагментов и полных произведений были выбраны на основе определенного критерия: в состав книги вошли те тексты, которые являются образцовыми и касаются типично сербской тематики, концентрируются вокруг истории государства, Церкви и народа. Они сгруппированы в нескольких хронологическо-идейных блоках и касаются событий из истории сербских родов, государства и Церкви, создавая своеобразные циклы: о Неманиях, о князе Лазаре, о битве на Косовом поле, о Бранковичах и локальных святых, о церковных иерархах. С точки зрения жанра тексты подобраны таким образом, чтобы показывать богатый репертуар форм и возможностей, структурно-содержательных реализаций универсального и локального типа. В антологию включены произведения, характерные для средневековой сербской литературы, прежде всего отражающие ее тематику, идейную и идеологическую сферы, показывающие историю институций, для нужд которых они создавались, а также сам процесс развития и временные рамки этой литературы, которые в томе практически совпадают с границами развития и функционирования древнесербской письменности. Входят в него тексты, созданные между XIII-ым и XVII-ым веками: *Житије светогa Симеона (Żywot św. Simeona)* Савы и Доментиана, *Живот краљице Јелене (Żywot św. Jeleny)*, *Живот краља Драгутина (Żywot św. Stefana Dragutina)*, *Живот краља Милутина (Żywot św. Stefana Milutina)*, *Служба архиепископу Арсенију (Służba św. Arsenijowi)* Данилы II, *Слово о кнезу Лазару (Słowo o księciu Lazarze)* Данилы III, анонимная *Служба светогj мајци Ангелини Бранковић (Służba św. Angelinie Branković)*, *Служба светом Максиму Бранковићу (Służba św. Maksimowi Brankovićowi)*, *Служба светом Јовану Бранковићу (Służba św. Jowanowi Brankovićowi)*, *Служба цару Уро-*

⁹ Здесь и далее см. публикации упомянутого цикла Kawecka, Petrov, Skowronek 2012 (примечание 7).

шу, автор: Пајсије Јањевац (*Shuzba św. Urošowi*), *Стихира кнезу Лазару*, автор: Кипријан Рачанин (*Stichira św. Lazarowi*).

Восприятие переведенных на польский произведений, а значит введенных в т. н. конечную (целевую) и полностью отличную от первичной систему, облегчает обширный аппарат комментариев, в который входят: словарь-список авторов (если они известны по имени), объяснения к текстам (это касается фрагментов затруднительных и требующих презентации исторического или культурного контекста), словарь-список часто встречающихся библейских персонажей и мотивов, словарь-список литературных терминов (объясняющий названия конкретных литургических текстов православной Церкви).

Определенной слабостью антологии – конечно же, с точки зрения научной, а не популяризаторской – является отсутствие данных об использованных источниках. И хотя переводчик упоминает древнесербские оригиналы, изданные и находящиеся в различных периодических изданиях и книгах, перечисляет имена нескольких наиболее заслуженных издателей и исследователей, таких как Ђ. Даничић, В. Ћоровић, Ђ. Сп. Радојичић, Ђ. Трифуновић и др., говорит о своей собственной работе с рукописями, сообщает о проделанном им сравнении с существующими новосербскими переводами, называя имена таких переводчиков как Л. Мирковић, М. Башић, Д. Богдановић, то все-таки не предлагает читателю точного библиографического указателя использованных материалов. Несмотря на это, ценность антологии А. Наумова вне всяких сомнений трудно было бы переоценить.

Второй, к сожалению, очень слабой как с точки зрения восприятия, так и с точки зрения научной и популяризаторской ценности публикацией является книга *Literatura serbska i chorwacka. Antologia tekstów* (cz. I, teksty zestawila M. Jakóbiec-Semkowowa, Wrocław 1994). Этот сборник назван антологией, что само по себе недоразумение, ибо, согласно распространенному определению, антология – это собрание литературных произведений или их фрагментов, связанных общими чертами – авторством, жанром, традицией, культурным ареалом или хотя бы тематикой. В данном же случае тяжело выискать какую-либо скрепляющую особенность и критерий выбора абсолютно различных, а может быть даже случайно, как представляется, собранных текстов. В небольшом вступительном слове идет речь о широком каноне произведений, созданном для нужд университетских занятий по истории литературы и именно он фигурирует здесь как единственный объединяющий элемент. Характер книги ассоциируется с хрестоматией, а в действительности это всего лишь экзemplификация литературы, которая неверно длительное время назвалась «сербо-хорватской», вместо презентации произведений двух независимых друг от друга литератур, развивающихся в различных культурных сферах, в различных традициях.

Самое удивительное, что публикация содержит фрагменты текстов, не пе-

*Проблема рецепции средневековой южнославянской письменности –
о переводах древнесербских текстов на польский язык*

реведенных на польский язык, а лишь извлеченных из современных сербских и хорватских изданий. В результате она имеет лишь небольшое, в очень узком смысле популяризаторское и дидактическое достоинство. Даже если эта книга предназначена исключительно для школьных целей, то как раз из-за языковых причин она скорее утрудняет, нежели облегчает познание иностранной литературы (вернее, двух литератур), которое, как не совсем ясно указано во введении, должно иметь место в течение первых двух семестров занятий по истории литературы. И если даже студент сербской или хорватской филологии сможет в какой-то степени пользоваться этой публикацией, то для рядового польского читателя этот сборник не представляет практически никакой ценности.

В книге, среди множества других текстов, представлено несколько извлечений из древнесербских произведений: описание смерти Стефана Немани из жития св. Симеона (*Житије светога Симеона*) авторства Савы, *Слово љубве* (Стефан Лазаревић), несколько произведений с измененными в публикации заглавиями: *Похвала кнезу Лазару*, *Туга за младенцем Угљешом*, *Запис на Хиландарској завеси* (Јефимија), фрагменты жития св. св. Симеона и Савы (*Житије светога Симеона и светога Саве*) Доментиана, *Слово светоме Сави* (Силуан). Увы, в публикации не только не указаны источники (в данном случае прежде всего стоило бы упомянуть данные новосербских переводов, опубликованных в издательских сериях *Српска Књижевна Задруга* и *Стара Српска Књижевност у 24 књиге*, а также в антологиях: Ђ. Сп. Радојичић, *Антологија старе српске књижевности (XI—XVIII)* (Београд 1960) и Ђ. Сп. Радојичић, *Старо српско песништво (IX—XVIII)* (Београд 1966)), но даже в двух случаях не упомянуты заглавия произведений (!), частью которых являются помещенные в книге фрагменты. Следовательно, можно говорить об отсутствии или же только кажущемся присутствии этих произведений в польском читательском пространстве, а саму публикацию расценивать лишь как эпизодический ответ на нужды и спрос того времени, когда она выходила из печати.

Совсем по-другому обстоят дела с очередной антологией: *Inskrypcja na srebrnej sukience. Antologia serbskiej poezji XVIII i XIX wieku* (przekład Marii Dąbrowskiej-Partyki, red. D. Gil, C. Juda, M. Czerwiński, Kraków 2007). Публикация была подготовлена в связи с юбилеем Марии Домбровской-Партыки, выдающейся краковской славистки, исследовательницы сербской и хорватской литературы и переводчицы всех помещенных в книге текстов. Несомненным достоинством этого сборника является презентация текстов т.н. Воеводинского круга, главным образом произведений XVII и XVIII вв., что подчеркнул также Юлиан Корнхаузер (Julian Kornhauser), автор предисловия, обращая внимание на выбор текстов, стоящих в оппозиции по отношению к Вуковской концепции культуры – концепции фольклорной модели, которая активно продвигалась и до сих пор имеет хождение в научном и обиходном сознании. Такое измерение

публикации объясняет саму идею и смысл создания этой антологии, которая представляет собой не случайное собрание литературных (поэтических) переводов, а продуманную концептуальную полноту, имеющую не только популяризаторское значение, но и широко понимаемую познавательную ценность.

Среди многих важных произведений в книгу попали позднесредневековые тексты таких авторов как Арсеније Црнојевић: *Молитва заспалом Господу (Modlitwa do Pana, który zasnął)*, Арсеније Јовановић Шакабента: *Запис у сребру чудотворне иконе, Надгробно слово Београду (Inskrypcja na srebrnej sukience sudownej ikony, Epitafium dla Belgradu)*, Гаврило Стефановић Венцловић: *Молитва за српску земљу, Молитва против крвавих вода, Свећа је море, Годишња доба (Modlitwa za ziemię serbską, Modlitwa od krwawych wód, Świecą jest morze, Pory roku)*. Это писатели, которые обладают статусом исключительно важных для развития сербской литературы, статусом творцов, находящихся на границе эпох и принадлежащих как к старой, так и к новой литературе. Их выбор неслучаен – помещение именно этих литературных проявлений вне сомнения служит не только популяризаторской презентации, но также, а может быть даже прежде всего, – историко-литературной, научной. Переводчица принимает участие и выражает свое мнение в дискуссии на тему исторического процесса в сербской литературе и модели культуры, указывая на конкретные произведения (особенно рубежа XVII и XVIII веков); сознательно отбрасывает устоявшуюся в научном дискурсе схему – исключительно Вуковское видение культурного пространства, подчиненного народной традиции. В это связи не удивляет факт, что в антологии представлен Гаврило Стефановић Венцловић, чье имя практически автоматически провоцирует дискуссию на тему условного разделения истории сербской письменности на эпохи и периоды, в особенности на тему ее развития как средневековой системы до конца XVII-го и даже до XVIII-го столетия.

Составленный М. Домбровской-Партыкой сборник упорядочен хронологическим образом, а произведения опубликованы в переводе на польский и на новосербский языки. В случае позднесредневековых текстов использование их современных изданий может вызывать определенные сомнения, особенно в контексте стратегии двуязычной презентации. То же самое можно сказать и об отсутствии списка источников, хотя замечание это можно считать второстепенным, беря во внимание большую ценность антологии и ее юбилейный характер.

В завершение необходимо вспомнить, что кроме антологических сборников, в польском читательском пространстве функционируют также отдельные единичные переводы, являющиеся либо перепечатками опубликованных в антологиях древнесербских текстов, либо совершенно новыми популяризаторскими предложениями. Не вдаваясь в подробное описание, стоит их всех хотя бы перечислить, составить своего рода список, тем более что в общей сложности (что симптоматично) это всего лишь несколько позиций:

*Проблема рецепции средневековой южнославянской письменности –
о переводах древнесербских текстов на польский язык*

В первую очередь это перепечатанные из упомянутой выше антологии *Dar słowa* фрагменты древнесербских произведений:

– *Ucieczka Rastka* (фрагмент из жития св. Савы – *Житије светога Саве*); stichira *Shużby św. Savie* (*Служба светога Сави*): „Tygodnik Polski/Tygodnik Podlaski” 3(167)10/1986;

– D. Kantakuzin, *Modlitwa do Bogurodzicy*: „W Drodze” 11/1995 (текст принадлежит как к староболгарскому, так и к старосербскому канону, ранее был опубликован в: „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego” г. 2/1972, nr 2; а позднее в антологии: *Niewidzialne skrzydła. Antologia poezji bułgarskiej (od IX wieku do roku 1944)*, wyb. E. Konstantinowa, W. Gałązka, przedm. W. Gałązka, Kraków 1987).

Переводы фрагментов или целых произведений древнесербской письменности появились также в нескольких монографических или антологических публикациях:

– Św. Sawy, *Shużba ku czci św. Symeona* (*Служба светом Симеону*); T. Chilendarski (Теодосије Хиландарац), *Shużba ku czci św. Symeona* (*Служба светом Симеону*): Marzanna Kuczyńska, *Południowosłowiańska poezja liturgiczna w zbiorach bibliotek polskich*, Szczecin 2003;

– *Staroserbski kanon ku czci św. Mikołaja* (*Канон светом Николу*): *Kult świętego Mikołaja w tradycji prawosławnej*, wyb. i oprac. A. Dejniewicz, przeł. J. Stradomski, M. Skowronek, A. Dejniewicz, R. Łużny, A. Naumow, J. Pietrow, Gniezno 2004;

– *Serbska chronografia: wykaz lat – co ile trwało* (Укагү лэтомү вэ]н҃мү колико § кого вэка – из Горажданског псалтира с часословцем штампаном 1521 год): *Święci Konstantyn-Cyryl i Metody – patroni Wschodu i Zachodu*, Część I: *Apostołowie Słowian w dawnej Europie*, oprac. zesp., red. A. Naumow, Kraków 2013.

Существующие в польском читательском пространстве сборники или отдельные публикации древнесербских произведений, помимо характерных черт конкретных издательских проектов и их реализаций, в значительной степени отражают степень присутствия, ознакомления и потребности по отношению к этой конкретной южнославянской литературе. Она все еще слабо известна польскому читателю, все еще представляется экзотической, далекой и нелегкой в восприятии. Однако стоит отметить, что в последние годы имело место относительно большое количество инициатив по переводу и церковнославянской письменности, в том числе – древнесербской, что привело к увеличению интереса к письменности сферы *Slavia Orthodoxa*, неотъемлемой частью которой она является. Неоценимы в этой связи усилия польских палеославистов, благодаря которым появилось множество ценных публикаций. Примером (далеко не единственным!) может быть сперва гнезненская, в настоящий момент

краковская серия *Biblioteka Duchowości Europejskiej*, в рамках которой было опубликовано уже пять антологий, содержащих прежде всего переводы церковно-славянских текстов:

– *Kult świętego Mikołaja w tradycji prawosławnej* (wyb. i oprac. A. Dejniewicz, Gniezno 2004);

– *Święty Benedykt w tradycji chrześcijaństwa Zachodu i Wschodu* (wyb. i oprac. A.W. Mikołajczak, A. Naumow, Gniezno 2006);

– *Franciszek Skoryna z Połocka. Życie i pisma* (wyb. i oprac. M. Walczak-Mikołajczakowa, A. Naumow, Gniezno 2007);

– *Uczniowie Apostołów Słowian. Siedmiu Świętych Mężów* (oprac. M. Skowronek, G. Minczew, Kraków 2010);

– *Święci Konstantyn-Cyryl i Metody – patroni Wschodu i Zachodu, Część I: Apostołowie Słowian w dawnej Europie* (oprac. zesp., red. A. Naumow, Kraków 2013).

В рамках этой коллекции переводов планируется издание текстов, где древнесербские произведения будут представлены более широко, чем до сих пор (напр., сборник, посвященный святым женам славянского культурного пространства, а также отдельная публикация на тему древнесербских святых основателей – Симеона и Савы).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Balcerzan 1982: Balcerzan, E. *Kręgi wtajemniczenia. Czytelnik. Badacz. Tłumacz. Pisarz*. Kraków, 1982, 239–255.
- Kawecka, Petrov, Skowronek 2009: Kawecka, A., I. Petrov, M. Skowronek. “Z problematyki przekładu starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (cz. 1). Aneks. Materiały do bibliografii powojennych przekładów starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (do roku 2007).” – *Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne*. 4. Red. M. Kuczyńska, W. Stępnia-Minczewska, J. Stradomski. Kraków, 2009, 247–273.
- Kawecka, Petrov, Skowronek 2010: Kawecka, A., I. Petrov, M. Skowronek. “Z problematyki przekładu starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (cz. 2). Aneks. Materiały do bibliografii przekładów starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski.” – *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica*, 2010, № 3, 175–193.
- Kawecka, Petrov, Skowronek 2011a: Kawecka, A., I. Petrov, M. Skowronek. “Z problematyki przekładu starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (cz.3). Aneks. Materiały do bibliografii przekładów starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (ks. protorej Stanisław Strach, przekłady w rubryce Język naszej liturgii, „Przegląd Prawosławny”, 1996–2010).” – *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*, LVI, 2011, 67–90.
- Kawecka, Petrov, Skowronek 2011b: Kawecka, A., I. Petrov, M. Skowronek. “Z problematyki przekładu starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (cz.4). Aneks. Materiały

*Проблема рецепции средневековой южнославянской письменности –
о переводах древнесербских текстов на польский язык*

- do bibliografii przekładów starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski.” – *Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne*. T. 6. *Piśmiennictwo cerkiewnosłowiańskie i sztuka cerkiewna w kulturze Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony Polskiej*. Red. A. N. Naumow, S. Temčinas. Kraków, 2011, 309–325.
- Kawecka, Petrov, Skowronek 2012: Kawecka, A., I. Petrov, M. Skowronek. “Z problematyki przekładu starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski (cz. 5). Aneks. Materiały do bibliografii przekładów starej literatury kręgu Slavia Orthodoxa na język polski.” – *Roczniki Humanistyczne TN KUL*, Seria: Słowianoznawstwo, LX, z. 7, 2012, 193–218.
- Kozak 2009: Kozak, J. *Przekład literacki jako metafora. Między „logos” a „lexis”*. Warszawa, 2009.
- Naumow 1974: Naumow, A. “Przekład z języka cerkiewnosłowiańskiego wobec problemów warstwy pośredniczącej i segmentacji tekstu.” – In: *Z teorii i historii przekładu artystycznego*. Red. J. Baluch. Kraków, 1974, 85–93.
- Naumow 1992: Naumow, A. “O przekładaniu starych tekstów cerkiewnych na język polski.” – *Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Slawistyka*. 6, 1992, 195–201.
- Naumow 1995: Naumow, A. “Czy język jest konfesyjny? Uwagi przy przekładaniu Franciszka Skoryny.” – *Roczniki Humanistyczne TN KUL*, Seria: Słowianoznawstwo, XLIII, z. 7, 1995, 33–41.
- Naumow 1996: Naumow, A. “Trudna sztuka przekładania.” – In: *Orthodoxia – Przegląd Prawosławny*, 3 (129), 1996, 15–17.
- Słownik 1988: Słownik 1988: *Słownik terminów literackich*. Red. J. Sławiński. Wrocław, 1988.
- Stradomski 2011: Stradomski, J. “O obecności i recepcji tekstów średniowiecznej literatury Słowian południowych w dawnej Rzeczypospolitej (uwagi o tekstach Jana Egzarchy Bułgarskiego w rękopisach cerkiewnych w Polsce).” – *Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne*. 6. *Piśmiennictwo cerkiewnosłowiańskie i sztuka cerkiewna w kulturze Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony Polskiej*. Red. A. N. Naumow, S. Temčinas. Kraków, 2011, 137–161.
- Tokarz 2010: Tokarz, B. *Spotkania. Czasoprzestrzeń przekładu artystycznego*. Katowice, 2010.

Перевел с польского: Иван Н. Петров

Несколько слов про автора...

Изабелла Лис-Вельгош доцент Института Славистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани; исследователь древней славянской литературе круга *Slaviae Orthodoxae*.

